

Верещагина Анна Владимировна
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
anrietta25@mail.ru

Трансформация семейной культуры молодежи в условиях инерционной траектории социокультурной динамики российского общества

Аннотация. В статье обосновывается ключевая идея о том, что инерционные процессы и в семейно-брачной сфере общества, отражаясь на семейных ценностях, установках и практиках молодежи, проявляются в разноплановых тенденциях, порождающих изменения в её семейной культуре. Эти тенденции развиваются в формате трех ключевых направлений: архаизации, традиционализации и модернизации. Соответственно, логика изменения семейной культуры молодежи подчиняется влиянию данных процессов, во многом объясняющих кризисные проявления в функционировании семейной сферы российского общества и молодой семьи в частности.

Ключевые слова: семья; семейная культура; молодежь; молодая семья; семейные ценности; архаизация; традиционализации; модернизация; трансформация

Vereshchagina Anna Vladimirovna
Institute of sociology and regional studies,
Southern federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
anrietta25@mail.ru

Transformation of family culture of young people in the conditions of inertia trajectory of socio-cultural dynamics of russian society

Abstract. The article substantiates the key idea that inertia processes in the family and marriage sphere of society, reflecting on family values, attitudes and practices of young people, are manifested in diverse trends that generate changes in their family culture. These trends are developing in the format of three key areas: archaization, traditionalization and modernization. Accordingly, the logic of changing the family culture of young people is influenced by these processes, which largely explain the crisis manifestations in the functioning of the family sphere of Russian society and the young family in particular.

Keywords: family; family culture; youth; young family; family values; archaization; traditionalization; modernization; transformation

Общество – одно из самых интересных, загадочных и, порой, слабо предсказуемых порождений человечества, и, несмотря на то, что социологи довольно далеко продвинулись в его изучении, множество вопросов до сих пор составляют пространство научного дискурса. Особенно заметно это проявилось в современную,

динамично меняющуюся эпоху, когда общество вступило в эру глобализации и информационных технологий, кардинально изменивших облик социума и сам механизм организации социальных отношений в самых различных сферах общественной жизни. Не осталось ни одной социальной сферы, ни одного социального института, который бы не подчинился влиянию масштабных по своим последствиям процессов глобализации и информатизации. Однако это влияние выражается в разноплановых и, порой, противоположных и даже парадоксальных явлениях, что определило всплеск научного интереса к, казалось бы, хорошо изученным явлениям и процессам, а также обусловило необходимость поиска новых методологических альтернатив их изучения.

Не осталась в стороне и тематика, связанная с семейной культурой, которая, являясь частью культуры общества, также подвержена изменениям, природа которых коренится в самой природе современного общества, уникального с точки зрения происходящих в нем стремительных перемен. Эти перемены в сфере семейной культуры вписаны в социальную динамику существования и изменчивости культуры, которая заключается в непрерывном порождении новых культурных феноменов наряду с наследованием и трансформацией прежних. Неудивительно, что пространство социологической рефлексии особенностей социокультурной динамики современного общества, и российского в том числе, активно заполняется исследованиями, в которых все чаще фигурируют в качестве ключевых понятия социальной инерции [Узунов, 2019], архаизации, архаики [Ламажаа, 2014], исторической колеи [Ильин, 2017], традиционализма, неотрадиционализма [Ламажаа, Абдулаева, 2014].

И прежде ученые обращались к осмыслению российской реальности с позиций инерционного характера развития социальных процессов в силу логики социокультурной динамики, заданной исторически сформировавшейся институциональной системой социума [Ахиезер, 2001], но характер фиксируемых явлений в различных социальных сферах современного российского общества уже не оставляет сомнений в том, что инерционность стала определяющим фактором его социокультурной динамики. Происходит это потому, что именно в период кризисов, кардинальных перемен, стремительных изменений и реформ, особенно, если они неадекватны социокультурной природе социума, «включается» механизм социальной инерции как наиболее оптимальный для адаптации социального организма к кризисным реалиям и условиям турбулентности. В этой своей ипостаси социальная инерция может рассматриваться как механизм самосохранения социокультурной системы. Сопrotивляясь резким и чужеродным инновациям, формам жизнедеятельности, социокультурная система именно таким образом, переходя на уровне социального воспроизводства в режим социальной инерции, пытается сохранить устойчивость, но результат инерционной траектории социокультурной динамики может быть различным – положительным, отрицательным или нейтральным, способствуя социальному прогрессу, регрессу или стагнации [Гнатюк, 2019].

Инерционный характер принимают процессы и в семейно-брачной сфере общества, отражаясь на семейной культуре молодежи, которая наиболее активно погружается в пространство всего нового, но, в то же время, также нуждается в стабильности, определенности, устойчивости, особенно если речь идет о семейной сфере. И потому именно в молодежной среде наиболее ярко проявляются разноплановые тенденции в изменении семейной культуры, развивающейся в формате трех ключевых направлений: архаизации, традиционализации и модернизации.

Указанные три вектора – архаизация, традиционализация и модернизация – характеризуют, в целом, пространство социокультурной трансформации российского общества, в условиях усложняющейся и кризисной реальности в значительной степени детерминированного инерционными процессами.

Мы исходим из того, что на пересечении архаического, традиционного и современного в русле инерционной траектории социокультурной динамики российского общества происходит формирование и изменение семейной культуры молодежи, которая представляет собой «совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, детерминирующих восприятие молодежью семьи и характер её семейных практик» [Ахмедова, 2018: 63]. Данное определение, сформулированное Т. М. Ахмедовой и не противоречащее нашим представлениям о структуре семейной культуры как синтезирующей в себе когнитивный, ценностный и поведенческий элементы, будет взято за основу в данной работе, поскольку мы солидарны с теми учеными, которые, отталкиваясь от нормативного подхода к культуре, полагают, что «...культура брачно-семейных отношений предстает как опыт производства и освоения знаний, ценностей и правил (идеальных норм) поведения в брачно-семейной сфере. Итогом такого освоения становятся убеждения, ценностные ориентации и практики в сфере семейно-брачных отношений» [Орлова, 2018: 70]. Формируемые в сознании молодежи представления о семье, семейных ценностях, ролях и отношениях как, своего рода, идеальные образцы определенным образом влияют на её семейные установки, что, в итоге, выражается в семейном поведении, в практиках, характеризующих, как выбор спутника жизни, так и стиля семейного поведения, формы семейных отношений (супружеских, родительских и т.д.).

На формирование и изменение семейной культуры молодежи оказывает влияние множество факторов, но ракурс исследования (инерционный), взятый за основу в данной работе, позволяет нам сконцентрироваться на тех, которые в наибольшей степени характерны для регионов, значительно подверженных инерционным процессам и обращающихся к опыту прошлого с целью сохранить устойчивость в своем развитии. К таким регионам относятся регионы с поликультурным составом и сильным влиянием традиционной культуры, а, следовательно, в качестве доминантных факторов в своем развитии имеющих этнический и конфессиональный как обеспечивающих воспроизводство этнической культуры и структуры региона.

В поликультурных регионах сосуществуют специфические способы восприятия мира и особенности образа мыслей, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности, которые связывают с понятием «менталитет» или «ментальность». Специфика менталитета заключается в том, что он является отражением внешнего мира, обуславливая специфику способа реагирования личности и детерминируя её поведение в семейной сфере. В условиях социальной нестабильности и кризисности «консервативный» менталитет, с одной стороны, способствует адаптации индивида, социальной группы, этноса, а, с другой, – воздвигает барьеры на пути к новому, так как предопределяет тяготение к стабильным ценностям, по своей природе, как правило, этническим. Хорошо известно, что именно семья – хранительница и транслятор этнической культуры, этнических ценностей, установок и стереотипов, выражающихся в традиционных представлениях о супружеских взаимоотношениях и ролях, о воспитании детей, взаимодействии с родственниками и т.д. В условиях трансформации общества и нарастания социальной неопределенности, турбулентности происходит актуализация этнических ценностей, детерминированная ощущением нестабильности окружающего мира, поиском защиты и поддержки в стабильных ценностях предшествующих поколений, и таким образом проявляет себя механизм социальной инерции.

Юг России как наиболее мозаичный с точки зрения этнического состава регион нам представляется вполне подходящим для обоснования предлагаемых в данной работе идей и суждений. Данный регион представляет также интерес как регион, в котором отчетливо фиксируются изучаемые нами на уровне трансформации семейной культуры молодежи процессы архаизации, традиционализации и модернизации. Этому способствуют процессы религиозного возрождения и этнизации, высокую динамику развития которых подпитывают модернизационные изменения, неадекватные социокультурным условиям региональных сообществ, в том числе и на Юге России.

Рассмотрим три вектора трансформации семейной культуры молодежи южнороссийского региона, определив, что архаизация семейной культуры предполагает возрождение в современной реальности семейно-брачных ценностей, установок и практик прежних (архаичных) форм, сложившихся в прошлом в границах семейной культуры того или иного народа. Анализ реалий в семейно-брачной сфере южнороссийского общества, особенно в республиках Северного Кавказа, позволяет констатировать наличие тенденции архаизации семейной культуры молодежи, которая, хоть и негативно в своем большинстве относится к возврату давно утративших актуальность семейно-брачных практик [Загирова, 2017], на поведенческом уровне демонстрирует лояльность архаическим практикам, связанным с ранним замужеством девушек (13–15 лет), похищением невесты, заключением браков по воле родителей без согласия детей, а также многоженством. Последнее вызывает особое неприятие среди молодежи, особенно женской её части, но при этом практика многоженства под влиянием исламизации Северного Кавказа довольно активно распространяется,

закрепляя свои позиции за счет того, что сами семейные практики в данном регионе служат основой Традиции, а значит с ними ассоциируется устойчивость и благополучие.

В условиях инерционных тенденций в социокультурной динамике кризисного российского общества традиционные практики, и так играющие значительную роль в жизни народов Юга России, получают новую «жизнь», порождая неотрадиционалистское движение в самых различных сферах жизнедеятельности – в политике, культуре, семье и быте народов Юга России [Ламажаа, Намруева, 2014], провозглашая идеологию «чистоты крови» и закрепляя традиции моноэтнической брачности. Эта традиция всегда определяла границы и формат межэтнических отношений в полиэтничном южнороссийском регионе, но в современных условиях её усиленное влияние стало фактором поступательного исчезновения практики межэтнической брачности у различных народов, населяющих Юг России [Верещагина, Шахбанова, 2013]. Но здесь ситуация несколько иная, нежели в случае с многоженством: при доминировании моноэтнической брачности как брачной практики в субрегионах Юга России отношение к межэтническим семьям, в целом, довольно спокойное, можно даже сказать, толерантное, т.е. на уровне ценностей и установок семейной культуры негативного образа межэтнической семьи не фиксируется, но только до тех пор, пока это не касается личных семейно-брачных планов и стратегий, а также семейных стратегий близких родственников, так как эти стратегии и планы связаны с сугубо моноэтнической семьей. Молодежь, демонстрирующая толерантные установки в отношении к межэтническим семьям, но ведомая транслируемыми через межпоколенческие каналы ценностями традиционной семейной культуры, также в своем большинстве ориентируется на ценности и практики, связанные с моноэтнической моделью семьи. В этой ситуации межэтническая семья продолжает оставаться своего рода отклонением от норм семейной культуры народов Юга России при всем положительном к ней отношении на уровне восприятия и ценностных установок.

Таким образом, на Юге России четко фиксируется тенденция традиционализации семейной культуры молодежи как процесса, связанного с усилением влияния на сознание и поведение молодежи в сфере семейных отношений традиционных норм и ценностей, в отличие от архаических не исчезавших из семейной практики, но игравших менее заметную роль в предшествовавший постсоветским изменениям период. Эти изменения, вызвавшие инерционный эффект, стали источником архаизации и традиционализации в сфере семейно-брачных отношений.

О тенденциях традиционализации в формировании семейной культуры молодежи говорит также тот факт, что в последние десятилетия в субрегионах Юга страны чрезмерное внимание снова, как некогда, в традиционную эпоху, стали уделять ритуальной стороне семейно-брачной жизни, зачатую в ущерб интересам, в том числе материальным, организующих семейные мероприятия родственников (к примеру,

пышные свадьбы, требующие значительных финансовых затрат; приданое, подарки родственникам и т.д.), вынужденных следовать традициям под давлением общественного мнения. Именно оно в традиционном обществе выступает одним из механизмов общественного контроля, а потому тенденции традиционализации, особенно в республиках Северного Кавказа, стали постепенно вытеснять тенденции индивидуализации и не столь чуткого отношения к общественному мнению, сформировавшегося в советское время в контексте модернизации семейных ценностей в русле общероссийских и мировых тенденций либерализации и эгалитаризации семейных отношений и ценностей.

В отношении модернизационного вектора, также имеющего место быть в социокультурной реальности южнороссийского региона, хотя и неравномерно представленного в его различных территориальных образованиях (в наименьшей степени он фиксируется в республиках Северного Кавказа), следует заметить, что его развитие наиболее сильно связано с молодежью. Именно она является, как правило, инициатором всего нового, носителем инновационных ценностей как наиболее чувствительная к новациям опциальная группа. Особенно активна молодежь в плане того, что касается лично её, того, что соотносится со сферой её личной жизни. Потому появление новых форм, типов семьи и семейных отношений закономерно связывают с молодежью, которая в поисках семейного счастья стремится быть свободной от условностей, стереотипов, предписаний прошлого ради создания максимально эффективных, психологически комфортных семейных отношений, реализуя свои представления о семейном быте и счастье в формате эгалитарной модели семьи. Эта модель с соответствующей семейной культурой давно получила распространение в западноевропейском обществе и крупных городах России, в основном среди представителей русского этноса, в том числе и на Юге России.

Таким образом, далеко не вся молодежь южнороссийского региона подвержена влиянию архаизации и традиционализации как значимых тенденций в социокультурной динамике данного региона. И это подтверждается эмпирическими данными, хотя, как показал проведенный в Ростовской области социологический опрос среди молодежи, даже здесь, не являющемся оплотом традиционализма субрегионе, молодежь в своих семейных ориентациях сохраняет приверженность традиционным ценностям, отдавая должное и современным (эгалитарным). Однако тот факт, что большинство молодых людей Ростовской области придерживается патриархальных устоев в организации семейных отношений [Артамонова, Тарасенко, Чернобровкин, 2019: 206], свидетельствует об устойчивости семейных стереотипов, заложенных в социокультурном коде российского общества. В некоторых региональных сообществах, с доминирующей традиционной культурой, эти стереотипы настолько сильны, что модернистские семейные ценности и установки, а также соответствующие им поведенческие модели чаще всего расцениваются как негативно влияющие на развитие семейных отношений, а сама молодежь с позиций подобных оценок

представляется в роли разрушительницы семейных устоев и традиций [Алимова, 2015].

Тем не менее, только так – через череду проб и ошибок, апробацию различных семейных стилей и стратегий, форм и моделей семьи – происходит эволюция семейных отношений и выработка наиболее эффективных образцов семейных отношений, способных через определенное время стать основой традиционной семьи. И именно молодежи и молодым семьям суждено в этом процессе всегда играть определяющую роль. Представители молодых поколений, поскольку молоды, готовы экспериментировать с собственной жизнью в надежде найти свое счастье в соответствии с представлениями о нем, что, зачастую, сопровождается разрушением молодых семейных союзов, как правило, более прочных в случае, если в их основе находятся апробированные прежними поколениями традиционные семейные практики. Тем не менее, этот процесс неизбежен – процесс эволюции семейных отношений в ходе трансформации общества и социокультурной динамики, а потому возникает очень важный вопрос: как избежать ошибок, которые совершают молодые люди в первые годы семейной жизни, особенно, когда речь идет о молодых семьях, ориентированных на современные модели семейных отношений?

Мы полагаем, что именно здесь семейная культура играет ключевую роль, и, можно сказать, что в этом заключается её миссия – сделать мир молодой семьи прочным, насколько это позволяет сама природа молодой семьи, по своей сущности весьма неустойчивая, хрупкая и чувствительная ко всякого рода влияниям и факторам, как внешнего, так и внутреннего характера. Устойчивые основы семейной культуры, которые транслировались бы молодежи через различные каналы – семейные, образовательные, информационные и т.д., смогли бы предотвратить ряд ошибок в её семейном поведении, но в современном обществе, даже в пределах одного региона, сложно выработать единые нормы и ценности семейной культуры, учитывая рассмотренные нами выше три вектора её трансформации.

Тем не менее, выработка универсальных норм, ценностей семейной культуры, не исключающих возможности следовать семейным установкам, соотносимым с разными моделями организации семейной жизни (будь то эгалитарная или патриархальная модель семьи), необходима, т.е. необходима такая, по сути, универсальная модель семейной культуры, на уровне которой будут транслироваться в молодежную среду абсолютные ценности, семьи, родительства, детства. Но, что не менее важно, на уровне общества должна сформироваться потребность в семейной культуре как механизме подготовки к семейной жизни и регуляции семейного поведения молодежи. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения и объяснения, поскольку, при всей негативно складывающейся ситуации в сфере семейно-брачных отношений в российском обществе, социальный запрос на семейную культуру в указанной функциональной предзаданности не сформировался. Основным актором формирования семейной культуры молодежи традиционно продолжает оставаться семья. В условиях расширения зоны семейного риска, особенно среди

молодых семей [Кикоть, 2018], монополия семьи на формирование семейной культуры у подрастающих поколений требует пересмотра.

Библиографический список

Алимова Б. М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.

Артамонова Я. В., Тарасенко Л. В., Чернобровкин И. П. Этнокультурные традиции и инновации в социальных практиках молодежи (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2019. № 2. С. 202–208.

Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.

Ахмедова Т. М. Семья глазами дагестанской молодежи (по материалам эмпирического исследования) // Гуманитарий Юга России. 2018. № 4. С. 62–71.

Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 78–85.

Гнатюк М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 5. С. 78–96.

Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 298–303.

Ильин В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 4. С. 30–50.

Кикоть А. С. Макросоциологические индикаторы рисков социальной дезадаптации молодой семьи в России // Гуманитарий Юга России. 2018. Том. 7. № 1. С. 170–179.

Ламажаа Ч. К. Феномен архаического в организации социокультурного процесса // Новые исследования Тувы. 2014. № 3 (23). С. 112–120.

Ламажаа Ч. К., Абдулаева М. Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.

Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27–39.

Орлова Е. М. К структурно-функциональному пониманию культуры брачно-семейных отношений // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8(52). С. 70–73.

Узунов В. В. Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 1. С. 56–66.